

А. Каннисто восстанавливал для общемайнсийского языка-основы иные гласные, чем В. Штейниц. В частности, он считал, что в общемайнсийском языке было 12 кратких гласных: ϵ , ϵ , e , i , $\ddot{x}$, $\ddot{\delta}$, a , a , e , $\ddot{i}$, o , u (вместо 8 по Штейницу). Справедливо критикуя

А. Каннисто, В. Штейниц указывает (стр. 154—155), что его главные ошибки заключаются в том, что он, во-первых, не понял чрезвычайно важных для истории майнсийского вокализма количественных отношений гласных и не мог здесь достичь ясности, выдвигая свои «четыре ступени долготы»; во-вторых, комбинаторные и даже индивидуальные (качественные) варианты гласных фонем он возводил к общемайнсийскому времени как исторически различные гласные и этим запутывал историю различных по качеству гласных.

Система гласных общемайнсийского языка-основы, восстановленная В. Штейницем на основе сравнения современных майнсийских диалектов, отличается негармоничным соотношением между заднерядными и переднерядными гласными, а также между гласными среднего и нижнего подъема (см. таблицу). В процессе исторического развития отдельных диалектов эта диспропорция в системе гласных была устранена. В. Штейниц предполагает, что система гласных общеобско-угорского языка-основы была гармоничной и что эта гармоничность была утрачена в процессе развития общемайнсийского языка из общеобско-угорского языка-основы (стр. 156).

В. Штейниц устанавливает для общемайнсийского языка-основы следующие ряды чередующихся гласных: А. чередование долгих гласных с краткими ($a \sim \bar{a}$, $\ddot{a} \sim \bar{\ddot{a}}$, $e \sim \bar{e}$, $\ddot{e} \sim \bar{\ddot{e}}$, $i \sim \bar{i}$, $\ddot{i} \sim \bar{\ddot{i}}$, $e \sim \bar{e}$, $i \sim \bar{e}$); Б. чередование долгих гласных между собой ($\ddot{a} \sim \bar{i}$, $\bar{a} \sim \bar{e}$, $\ddot{e} \sim \bar{i}$, $\bar{u} \sim \bar{a}$).

Приведенные выше выводы В. Штейница представляют большой интерес для финно-угорского языкознания, которое до настоящего времени не располагало капитальными исследованиями по историческому вокализму финно-угорских языков. Мы надеемся, что автору рецензируемой работы, большому знатоку обско-угорских языков, в дальнейшем удастся воспроизвести систему гласных обско-угорского языка-основы с тем, чтобы вплотную подойти к проблеме финно-угорского вокализма в целом.

В. И. Лыткин

Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. I. — Praha, ČSAV, 1956. 226 стр.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, которые служат предварительным материалом для будущей большой научной грамматики русского языка для чехов, подготовляемой Чехословацко-советским институтом Чехословацкой Академии наук в Праге.

Сборник содержит пять статей по отдельным проблемам синтаксиса русского и чешского языков.

В первой статье «К вопросу о безличных предложениях» (стр. 7—79) Р. М р а з е к раскрывает свой взгляд на сущность безличности и решает вопрос о терминах (что очень важно, так как терминология в русских и чешских грамматиках часто не совпадает). Считая, что в безличных предложениях нельзя выделить состав подлежащего или сказуемого, автор отвергает термин «сказуемое» и предлагает термин «единый главный член» («jediný základní člen»). Далее Р. Мразек кратко останавливается на проблеме исторического развития безличных предложений, затем излагает принципы классификации.

В зависимости от грамматической природы главного члена автор различает три основные группы безличных предложений. В первой группе в роли главного члена выступает знаменательный глагол действительного залога в форме 3-го лица единственного числа. Вторую группу образуют безличные предложения с краткой формой страдательного причастия. Наконец, к третьей группе относятся предложения с именным или адverbiallyм главным членом. Здесь же рассматриваются безличные предложения со словами, относящимися к категории состояния.

Задачей статьи О. П а р о л к о в о й «Возвратно-страдательная форма глаголов» (стр. 80—118) является исследование ряда вопросов грамматической структуры и употребления страдательных конструкций и прежде всего страдательных оборотов, образованных при помощи возвратной формы глагола, в русском и чешском языках. Автор отмечает сходство в условиях и причинах употребления страдательных конструкций в обоих языках. О. Паролкова усматривает тесную связь употребления действительных и страдательных конструкций с делением предложения на «основу» и «ядро

высказывания», принимая тем самым теорию актуального, или контекстного, членения предложения.

Анализируя отношения между страдательными конструкциями, образованными при помощи возвратного глагола, и действительными конструкциями неопределенно-личных предложений, автор в соответствии с академической «Грамматикой русского языка» (т. I, стр. 416) подчеркивает, что в определенных случаях они могут быть синонимичны. Рассматривая формальные средства выражения страдательного залога, О. Паролова отмечает их сходство и различие, дает наглядную таблицу соотносительных форм в русском и чешском языках. Ценные и интересные наблюдения имеются и в разделе о семантических и стилистических различиях между возвратной и описательной страдательной формами.

Заслуживает внимания содержательная статья В. Барнетовой «К вопросу о категории кратности глагольного действия» (стр. 119—161), в которой делается попытка определить характер и место категории кратности в грамматическом строе русского языка. В вопросе об отношении категории кратности к категории вида В. Барнетова придерживается принятой в современной чешской лингвистике точки зрения, согласно которой следует различать «вид в узком смысле слова» как противопоставление совершенности и несовершенности и «вид в широком смысле слова», охватывающий совершенность-несовершенство и кратность-некратность глагольного действия (см. стр. 122, 124).

Автор показывает, что в русском и чешском языках нет принципиальных различий как в отношении семантических типов кратности, так и в отношении лексических средств выражения кратности. Существенные различия имеются, однако, в плане грамматическом. Причину этого автор усматривает в специфическом пути развития грамматического строя русского языка. По мнению В. Барнетовой, кратность в русском языке, в отличие от чешского, вряд ли можно признать грамматической категорией.

С. Жажа в статье «К вопросу о распространенном определении» (стр. 162—179) исследует в сравнительном плане разные типы распространенных определений. Основное внимание уделяется анализу связи между определением и определяемым именем существительным. Различные типы распространенных определений подразделяются по месту, которое занимает определение, а также по месту, занимаемому зависимыми членами определения. Раскрывая различие в значении и стилистических оттенках соотносительных типов распространенных определений в русском и чешском языках, С. Жажа указывает на необходимость учета этих различий при переводе с одного языка на другой.

Завершается сборник статьей П. Адамца «К различию между порядком слов в чешском и русском языках» (стр. 180—198). Автор указывает, что следует говорить не о каких-то строгих и обязательных правилах порядка слов в русском и чешском языках, а лишь об основных тенденциях или принципах, определяющих порядок слов. Таковы: 1) принцип актуального, или контекстного, членения предложения, 2) принцип смысловой и синтаксической связанности и, наконец, 3) принцип ритмический (фонетический). Установив, что основные принципы, взаимодействием которых определяется порядок слов в русском и чешском языках, сходны, П. Адамец показывает, что частные, правда, иногда значительные, расхождения между этими языками обусловлены тем, что отмеченные принципы проявляются в них в неодинаковой степени.

Во всех статьях сборника привлекается богатый русский и чешский фактический материал. Путем сравнения двух родственных языков авторы стремятся показать их сходство и в то же время раскрыть структурное своеобразие их грамматического строя.

Книга «Статьи по русско-чешской сравнительной грамматике» представляет значительный интерес как для русистов, так и для богемистов и является ценным вкладом в изучение синтаксиса русского и чешского языков.

Л. Н. Смирнов

Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина. — София, изд. на Българск. Акад. на науките, 1955 [обл.: 1956]. 439 стр.

27 октября 1954 г. Болгарская Академия наук чествовала академика Александра Теодорова-Балана в связи с 95-летием со дня рождения и 75-летием его научной и педагогической деятельности. Акад. А. Теодоров-Балан — старейший и крупнейший ученый и культурный деятель Болгарии. Весьма значителен его вклад в изучение болгарского литературного языка, а также болгарской литературы и библиографии.

А. Теодоров-Балан воспитал несколько поколений филологов, среди которых находятся и крупнейшие ученые современной Болгарии.

Изданный Болгарской Академией наук сборник в честь юбилея состоит из двух отделов. В первый отдел вошли материалы юбилейного собрания представителей болгарской науки и культуры: вступительное слово президента Болг. АН акад. Тодора Павлова, доклады проф. Ст. Стойкова «Академик Александр Теодоров-Балан и болгарский язык» и члена-корр. Болг. АН Петра Динкова «Академик Александр Теодоров-Балан и болгарская литература», многочисленные приветствия и ответное слово юбилея.

Второй отдел включает исследования ученых различных стран — всего 47 статей, написанных на болгарском, русском, польском, чешском, словацком, румынском и французском языках. Большинство статей посвящено проблемам языкознания. К вопросам общего языкознания относятся работы Вл. Георгиева «Заимствование морфологических элементов», А. Граура «Взаимные влияния между двумя языками», Ст. Младенова «Смешанный алтайско-индоевропейский характер японского языка и неоспоримое наличие алтайских и индоевропейских элементов в японском языке», работы М. Рудницкого, Вл. Скалички и др. Проблемам родства славянских языков, старославянского языка и истории болгарского языка посвящен целый ряд статей, среди которых исследования Р. Бернара, В. Бешевлиева, В. Бланара, Л. А. Булаховского («Ударение старокрымского болгарского говора»), А. Вайана, М. Выгленова, Т. Лер-Сплавинского, Я. Станислава («О переоценке великоморавских элементов в кирилло-мефодиевской литературе»), Я. Фринты («Сходства болгарского языка с чешским»). Много работ по лексикологии, в том числе статьи Л. Болье, Н. Дылевского, Д. Ивановой-Мирчевой, Я. Отрембского, К. Мирчева («О некоторых лексических особенностях болгарского Физиолога XVI в.»). Один из вопросов истории болгарского литературного языка рассматривается в статье Ст. Стойкова «Глагольные окончания *-ме* в болгарском литературном языке». Исследованиями грамматики современного болгарского языка посвящены работы Л. Андрейчина «Глагольные времена в болгарском страдательном спряжении», С. Иванчева «Одно неопищенное употребление членной формы (К вопросу о форме обращения в болгарском языке)», Ю. С. Маслова «К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения», Е. В. Чешко «К изучению беспредложных сочетаний в современном болгарском языке». Вопросы культуры речи рассматриваются в статье И. Леова. Несколько работ посвящено чешскому, польскому, словацкому, румынскому языкам. В статьях О. Вашка, Е. Георгиева, К. Горалка рассматривается проблема возникновения славянской письменности, деятельность и роль Кирилла и Мефодия. В сборник входит также большое количество статей по литературоведению, ряд работ по этнографии и библиографии.

Болгарская Академия наук совместно с учеными-славистами других стран достойным образом отметила знаменательный юбилей старейшего славянского ученого.

М. Г. Рожновская

B. Rosenkranz. Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen (Altkirchenslavischen). — Heidelberg — s-Gravenhage, 1955. 144 стр.

H. G. Lunt. Old church Slavonic grammar. — s-Gravenhage, 1955. XIV, 143 стр.

Автор «Исторической фонетики и морфологии древнеболгарского (староцерковнославянского) языка» Б. Розенкранц стремился изложить знания кратко и, не преследуя более широких целей, дал в руки студентов добросовестно выполненное конспективное руководство по старославянскому языку. Он поставил перед собой задачу — описать систему старославянских звуков и грамматических форм, постоянно обращая внимание на процесс исторического развития от общиндоевропейского языка к праславянскому и далее — к старославянскому (который он отождествляет с древнеболгарским, как это видно уже из заглавия).

Книга состоит из трех частей. Во «Введении» (стр. 9—35) подробно говорится о связях общеславянского языка с другими и.-е. языками: германскими, балтийскими и т. д.; в этой же главе читатель найдет характеристику самого старославянского языка, сведения о памятниках старославянской письменности, библиографию и др.

Во второй части — «Фонетике» (стр. 36—66) — описывается звуковой состав и ударение старославянского языка. Краткие и точные формулировки важнейших явлений фонологической системы и замечания о ее развитии, как и удачные примеры — несомненные достоинства этого раздела. В некоторых случаях, однако, нельзя не упрекнуть автора за чрезмерный лаконизм: так, только упомянуты, но не изложены важней-

шие тенденции, которые привели к общеславянскому состоянию: палатализация и стремление к возрастанию звучности слога и др.

Большую часть книги занимает «Морфология» (стр. 67—144). В описании форм склонения, спряжения и других автор в основном следует традиции. Классификация глаголов дана по основам настоящего времени и соответствует в основном классификации, предложенной Х. С. Стангом (см. Chr. S. Stang, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942, стр. 21—60). В самом конце мы находим таблицу парадигм спряжения ряда глаголов, расположенных по принципу наличия видовой корреляции: рядом помещены парадигмы имперфективного, перфективного (суффиксального, префиксального) и имперфективированного глаголов.

В «Исторической фонетике и морфологии...» отсутствует специальная глава о синтаксисе старославянского языка.

Почти одновременно с книгой Б. Розенкранда вышла «Староцерковнославянская грамматика» Г. Ланта. Она по методу отличается от традиционных руководств по старославянскому языку; автор претендует на описание структуры старославянского языка и сами факты языка рассматривает с точки зрения структуральной лингвистики.

Нельзя не отметить, прежде всего, что книга написана под сильным влиянием труда Н. Трубецкого «Старославянская грамматика»¹. Особенно это очевидно в главах, касающихся системы старославянской письменности, фонетики и склонения. Но работа Ланта доступнее для начинающих благодаря большому количеству таблиц, примеров, парадигм и т. д. Основой книги, как указывает автор, явились его материалы занятий со студентами.

«Введение» содержит важнейшие сведения, касающиеся старославянского языка, его истории, письменных текстов и т. д. В первой главе подробно говорится о системе письменности старославянского языка. Во второй главе, озаглавленной «Звуковая система» (стр. 24—41), дается фонологический анализ системы гласных, которые затем сводятся к нескольким обобщенным (generalised) типам. Далее приведена система согласных. Чередования излагаются в разделе «Фонетика» («Morphophonemics»).

Значительное место занимает «Морфология» (стр. 42—124). Г. Лант принимает в основном членение в склонении и спряжении, предложенное Трубецким. Он различает следующие типы склонения: именное, адвербиальное, местоименное; затем anomальное и смешанное.

В последней главе — «Синтаксические заметки» (стр. 125—141) — Г. Лант уже отказался от применения новейших структуральных теорий и дал фрагментарное, но достаточно четкое представление об употреблении в старославянском языке падежей, кратких и полных прилагательных, глагольных форм и т. д.

Грамматика Г. Ланта, так же как и руководство Б. Розенкранда, представляет несомненный интерес для специалистов по старославянскому языку.

Г. П. Клепикова

L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. — Heidelberg, Winter, 1955. XX, 342 стр. (Indogerm. Bibliothek, II. Reihe).

«Краткий словарь к древнецерковнославянским текстам» задуман его авторами — Л. Садник и Р. Айтцетмюллером — как учебное пособие для чтения старославянских памятников. В Словарь включена лексика 20 канонических старославянских памятников (Зографского, Маринского, Ассеманиева евангелий, Охридских глаголических листов, Синайской псалтыри, Синайского требника, Саввиной книги и др.). В работе над книгой учтены все имеющиеся индексы (В. Ягича, С. Северьянова, К. Мейера, Ст. Слоньского и др.) к отдельным памятникам.

Словарь состоит из трех частей. Первая часть (основная, стр. 1—170) представляет собой хорошо разработанный и надежный индекс старославянских слов. Слова даются в латинской транскрипции и расположены в азбучном порядке; весь пояснительный материал сосредоточен при словах, которые авторы принимают за этимологически-орфографическую норму старославянского языка (например, при слове *vъdova*, а не *vъdъva*, при *zeml'a*, а не *zemъja* и т. п.). Варианты (*vъdova*, *zemъja* и т. п.) приводятся на своих алфавитных местах со ссылкой на основное слово. При основном слове указывается по-немецки его основное значение (редко несколько значений); греческие соответствия приводятся только в случаях очевидной ошибки в старославянском тексте. При основном слове указывается, из какой части речи оно относится; иногда приводятся характерные словосочетания из памятников, указывается, в каких

¹ N. S. Trubetzkoy, *Alt kirchenslavische grammatik*. Schrift-, Laut und Formensystem, Wien, 1954.

памятниках данное слово отмечено; обычно дается ссылка на соответствующее гнездо третьей, справочно-этимологической, части Словаря. Например:

Utro *n. Morgen; za utra am Morgen, zeitig, iz utra prichoditi* = 'ορθρίζειν *am frühen Morgen hingehen, na utrosē zum morgigen Tag, na utrosē am Morgen. adv. utrē* [(Z. M. A. Ps. Es. Sk. S. Ps. 1041)]¹

Вторая часть (стр. 173—207) представляет собой оригинальный и своеобразный лексикографический труд, названный авторами «A-tergo-Index». Слова здесь также расположены по алфавиту, но не по обычному: алфавит соблюдается относительно последней, а не первой буквы слова, как это принято в словарях. Вот начало этой части: *a, baba, oslaba, žaba, raba, trēba, potreba, vracēba, lēčēba, alčēba, žladēba*...²

Благодаря подобному расположению слов легко делать различного рода морфологические и словообразовательные наблюдения. Так, оказываются объединенными существительные по типам склонений (на -а, -ь и т. п.); в одном месте даются все глаголы; при этом они оказываются сгруппированными по конечной гласной основы (наглядно выделены глаголы на -iti, -ati, -ēsti, -ęsti и т. п.); можно наблюдать в совокупности все существительные на -enije; можно сразу сказать, какие префиксальные образования знал тот или иной глагол и т. п. и т. д. Слова на -tel'ь представлены, например, в следующем порядке: *datel'ь, prēdatel'ь, propovēdatel'ь, zьdatel'ь, sьzьdatel'ь, blagodatel'ь, podatel'ь, vьzьdatel'ь* и т. п.

Третья часть (стр. 211—341) представляет собой справочный отдел, в котором содержится 1180 словарных статей, в каждой из которых объединены слова общего корня, разобщенные в первой части Словаря. Каждое такое гнездо сопровождается краткими этимологическими и словообразовательными комментариями авторов со ссылками на основные труды в этой области, главным образом на этимологические словари Бернекера, Покорного, Траутмана, Фасмера. Например:

№ 1132: *podъzemije, zemelēganije, zemьnъ, zemьskъ, zeml'a, zeml'ьskъ*.

Urverwandt: lit. *žēmė, lett. zeme* «Erde», lit, *žemėnis* ∞ *zemьnъ, žemiškas* = *zemьskъ, weiters griech. χαμαί* «auf der Erde», lat. *humus* f. «Erde», ai. *kṣam-, griech. χθών*. Trautmann Bsl. 369, Vasmer REW 452, Pokorny 414 f. Siehe *zmiја* (1143).

Таково краткое содержание аннотируемого труда. Данный словарь выходит за рамки квалифицированно составленного учебного пособия, его научное значение несомненно, и не только потому, что он представляет собой первый после лексиконов А. Х. Востокова и Фр. Миклошича надежный справочник по старославянской лексике. Перед нами оригинальный и очень полезный для исследователя старославянского языка новый тип лексикографического труда (особенно в части A-tergo). Вместе с тем следует отметить очевидное пренебрежение собственно лексикографической задачей — выделением и толкованием значений слова; основное внимание авторов сосредоточено на вопросах этимологии, словообразования и морфологии.

Р. М. Цейтлин

Hjalmar Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Lief. 1—3. Heidelberg, Carl Winter, 1954—1955. XI, 288 стр.

Словарь шведского индоевропеиста Ялмара Фриска является четвертым этимологическим словарем греческого языка. До него были изданы словари В. Прельвица, Э. Бузака и И. Гофмана; из них наиболее значительным заслуженно считается словарь Э. Бузака. Однако он вышел в свет уже довольно давно; достижения сравнительного языкознания последующего периода не могли не повлиять коренным образом на этимологическое толкование многих греческих слов. Понятна поэтому потребность в новом этимологическом словаре греческого языка, и появление работы Я. Фриска является как нельзя более своевременным.

Автором руководило стремление, как он говорит в предисловии, создать этимологический словарь по преимуществу греческого языка, где бы получила исчерпывающее отражение греческая лексика с ее многообразием производных форм; в то же время автор намерен привлекать параллели из прочих индоевропейских языков. Действительно, уже с первых страниц нельзя не отметить богатство форм сравнительно, например, со словарем Э. Бузака. Несравненно шире привлекается лексика глосс,

¹ В квадратных скобках условными обозначениями указываются памятники, в которых отмечено слово *utro*, и № (1041) справочной статьи в третьей части Словаря.

² Для экономии места слова здесь приводятся нами в строку, а не столбиком, как в Словаре.

приводятся многие диалектные слова; при этом сообщаются известные этимологии. Интерес представляют такие слова, как ἄβιν, ἄγγουρα, 'αἰεῖλοι, ἀλιζα, ἀννίς, βρία, βύριον, а также некоторые другие, впервые собранные в греческом этимологическом словаре. Наряду с этим впервые последовательно приводятся собственные имена, что весьма повышает ценность словаря, например такие, как 'Αδωνίς, Α'ιάξ, 'Αμαζών, 'Αχαιοί, 'Αχέρων и др.

Вместе с тем словарь Я. Фриска и в своей сравнительной части выгодно отличается от словаря Э. Буазака — гораздо больше, чем можно было ожидать после сказанных автором в предисловии установок. Здесь автор привлекает материал тохарского и хеттского языков, использует данные ларингальной теории, важнейшие новые исследования. В ряде случаев Я. Фриск, действительно, не приводит многих возможных сопоставлений, но об этом, как правило, не приходится жалеть. Следует специально указать на критичность, с которой Я. Фриск относится к распространенным точкам зрения. Так, под ἄμειβω «менять» не приводится ст.-слав. *милѣвъ*, имеющееся у Э. Буазака, с чем нельзя не согласиться, так как последнее восходит не к **meigu-*, а к **meigh-* вместе с греч. ὀμίχλη. Статья βέρβυξ «шелковичный червь» гораздо содержательнее, чем у Э. Буазака; в ней имеется указание на иранский источник. То же можно сказать и о статье ἀναξ (Fānaξ) «властелин, государь», где привлечены крито-микенское *na-na-ka-te-ro*, тохарское *ñäkte*, *ñkāt* (с перечнем литературы), и о многих других. Во многом дополняя и исправляя труд Э. Буазака, Я. Фриск, однако, не ставит перед собой задачу — полностью заменить его. Напротив, он очень часто отсылает читателя к словарю Буазака, если в последнем более подробно указана ранняя литература вопроса.

Насколько удалось заметить, пробелы в использованной литературе незначительны. Так, при анализе названий птиц αἰσάλων, αἰσάρων (Гесихий) можно было указать специальную работу: К. Oštir, Drei vor-slavishe-etruskische Vogelnamen, Ljubljana, 1930. Говоря о семитических и египетских заимствованиях, автор обычно называет старую работу: Н. Lewy, Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, Berlin, 1895, в то время как недавно вышедшая книга П. В. Эрнштедта «Египетские заимствования в греческом языке» (М.—Л., 1953) содержит целый ряд новых данных. Так, αὐθραξ «уголь», которое Фриск признает неясным, Эрнштедт объясняет заимствованием из египетского, точно так же — ἀποθράς «лишив, отняв».

Несколько замечаний по существу этимологий. Вряд ли можно прямо сравнивать формы ἄγρος и ст.-слав. *кагнѣдь* «черный тополь» (см. под ἄγρος), поскольку оба слова — результат самостоятельных семантических переходов. Так, *кагнѣдь* названа по *кагна* в связи со сходством пуха, выделяемого тополями во время весеннего осеменения, с шерстью ягнят. Аналогично можно объяснить происхождение αἴγρος (тоже «черный тополь») — только от αἴξ, αἴγρος «коза», вместо того чтобы сближать αἴγρος с αἴγλωφ «вид дуба» и далее — немецким *Eiche* «дуб» и др., как делает Я. Фриск вслед за предшественниками. Αλιζας-αντος «покойник, труп» (также о Стиксе), оставляемое без объяснения, можно понять аналогично причастию аориста действ. залога καταβας как сложение местоименного корня 'αλ- и соответствующей формы от βαίω, т. е. ἀλιζας = «перешедший на ту сторону» (ср. в семантическом отношении нем. *Hingeschiedener*, франц. *trépassé* «покойный»). Под ἀναυρος «поток, ручей» упоминается θησαυρος как возможное производное от общего корня со значением «вода», хотя θησαυρος — очевидное сложение θησ-(τιθημι) и αυρος (:αὔριον «завтра»), т. е. «нечто, откладываемое впрок»; ср. значение θησαυρος «сокровище». Под βασιλεύς приводится эгейское *pa-si-re-u*, которое даже М. Вэнтрис и Дж. Чадвик отмечают как сомнительное чтение; известно чтение В. Георгиева *qa-si-re-u*, что указывает на фонетическое развитие βασιλεύς < γωσιλεύς.

Из пропусков в рассматриваемом словаре можно указать фракийск. ἄργυλος «мышь» (см. F. Specht, Zur Benennung der Maus, «Kuhn's Zeitschrift», Bd. 69, 1951, стр. 123). Наконец, под ἄλλῃξ-άντος «колбаса» вместо ошибочного *ἄλλᾱ-Feut- должно быть *ἄλλᾱ-Feut-.

О. Н. Трубачев

Emilio Alarcos Llorach. Fonología española. 2a ed. — Madrid, Gredos, 1954.
232 стр. («Biblioteca románica hispánica», III — Manuales, 1).

Книга Аларкоса Льярача «Fonología española» посвящена анализу фонологической системы испанского языка. Она состоит из двух частей. Первая часть, озаглавленная «Общая фонология», представляет собой введение в общую фонологию, написанное в соответствии с теоретическими принципами пражской школы. Изложение по-

ложений общей фонологии сопровождается примерами из многих индоевропейских языков и диалектов, а также из языков других групп. Наряду с синхронической фонологией известное место уделено и диахронической фонологии.

Вторая часть книги, по объему примерно равная первой, — оригинальное исследование, посвященное фонологии испанского языка. Автор анализирует систему фонем современного испанского литературного языка, устанавливая типы фонологических противопоставлений. Функционирование фонем в слове освещается более кратко. Автор рассматривает группы фонем, возможность употребления фонем данной группы в различных частях слова, частоту употребления фонем и т. д. Фонология фразы в книге не рассматривается.

Завершается это исследование очерком диахронической фонологии испанского языка. Характеризуется развитие системы фонем испанского языка от иберийской латыни к староиспанскому и среднеиспанскому и далее к современному языку. Книга рассчитана на студентов филологических факультетов и представляет интерес для специалистов в области испанского языка.

Р. М. Фрумкина

Pierre Guiraud. Index du vocabulaire du théâtre classique. Corneille, II — Index des mots du Cid. — Paris, Librairie C. Klincksieck, 1956. 39 стр.

Статистические методы применяются в языкознании давно, однако сейчас интерес к ним особенно возрос: статистический анализ становится исходной точкой при изучении языка различными математическими методами. Поэтому большое внимание привлекают разнообразные количественно-статистические исследования и, в частности, работы профессора Гронингенского университета Пьера Гиро. Начиная с 1953 г. Гиро публикует так называемые «Указатели слов» к произведениям французской литературы. Эти «Указатели» выходят в двух сериях: «Розовая» — указатели слов к произведениям классиков французского театра — и «Голубая» — указатели слов к сборникам стихов французских поэтов-символистов.

Опишем для примера «Указатель слов к „Сиду“ Корнеля»; остальные «Указатели» построены так же. В «Указателе» содержатся следующие данные: 1) полный список слов, встречающихся в «Сиде», с указанием мест, где они встречаются (слова приводятся во всех тех формах, в каких они стоят в тексте); 2) список наиболее часто встречающихся слов (около двухсот) с указанием, сколько раз встречается каждое; 3) таблицы частотности употребления различных частей речи (в процентах); 4) словарь рифм.

Этот материал может с успехом использоваться в стилистике. Такая цифра, как 1488 разных слов (всего в «Сиде» 15 310 слов), — это точное количественное выражение ограниченности словаря Корнеля (в современной литературе обычно 2500 разных слов на текст той же длины). И в «Сиде», и в «Цинне» — приблизительно одинаковое процентное соотношение между частями речи, тогда как в «Федре» Расина оно заметно иное и т. д.

Но основной интерес «Указателей» П. Гиро не в этом. Довольно несложное, но трудоемкое статистическое исследование, проведенное и опубликованное видным ученым, — яркое проявление нового направления в западном языкознании. Речь идет о стремлении изучать массовость, количественную сторону явлений, находить числовое выражение для качественных различий, описывать структуру языка, опираясь на статистический анализ речи.

Главный недостаток «Указателей» состоит в том, что слова приводятся в них без контекста. Это совершенно затухивает вопрос о полисемии, об оттенках значения, об окказиональных употреблениях, что чрезвычайно важно при изучении поэтической лексики (в особенности у символистов).

И. А. Мельчук